

Галина ВИШНЕВСКАЯ:

„РОДИНУ ДАЕТ НАМ БОГ“

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

ОДИН из престижных районов Парижа. Улица Жоржа Манделя. Высокая металлическая ограда, за которой обитают миллионеры, банкиры, знаменитости. Ворота в дом, где на втором этаже живут Галина Вишневская и Мстислав Ростропович, распахнуты настежь: ни замков, ни звонков, ни псов на цепи. Консьержки я тоже не обнаружил. «Смелые, однако, люди живут здесь», — подумал я.

— Это Левицкий, «Екатерина Вторая». Это Елизавета, очень известный портрет, может быть, рисовал Антропов, но под вопросом. Это Петр Первый, с натуры, царь позировал художнику. Представляете? Ведь монархов чаще всего рисовали по памяти. Это портрет государя Николая Второго, кисти Серова, жаль, что руки как бы недописаны, но в этой незавершенности своя прелесть. А этот фарфор — императорского завода, редкий, в особенности статуэтки. Мебель собиралась по разным странам: Аргентина, США, Англия. В основном на аукционах.

— Какие необычные шторы!
— Из Зимнего дворца. Редчайшие! Дорожу ими очень. Раз в три года своими руками стираю, никому не доверяю эту прелесть. На стирку уходит целый день. Там, наверху, Репин. Это Иванов — этюды к «Явлению Христа народу». Правда, потрясающие?! Это Боровиковский, женский портрет. Взгляните сюда, это Алексеев. Ну, Венецианова вы, конечно, узнали. Это...

Это ее русский дом, здесь все из России. Когда в 78-м знаменитых музыкантов Брежнев лишил гражданства, они стали искать постоянный приют. До этого ничего не покупали, жилье снимали в аренду.

— А этот пахот заказной?
— Да, подарок Славы. Я — в разных ролях. Сделано еще в России, по фотографиям. Имя мое от художника скрыли, чтобы карьеры ему не портить. Как нас тогда называли в газетах: «идейные перерожденцы», «антисоветчики», «предатели Родины»... Но, вы знаете, моя душа во мне. Свой народ я люблю, никогда от него не отрекалась и не отреклась никогда. Горжусь тем, что принадлежу к великому русскому народу, с этим чувством жила, с этим чувством и буду жить.

Мне захотелось встретиться с Галиной Павловной Вишневской после того, как уже в Париже я прочитал ее книгу «Галина. История жизни». Начал читать и не сомкнул глаз. И пришел к Галине Вишневской уже не как к великой актрисе, а как к человеку уникальной, непростой судьбы.

— Мне давно хотелось рассказать о том, что произошло со мной, о моей жизни. И вдруг как-то разом, было это году в восьмидесятом, стали все говорить: «Ты должна написать книгу. В твоей жизни столько интересного!». Я подумала и решила найти литератора, который написал бы книгу за меня. От моего имени. Мне и в голову не приходило, что я смогу это сделать сама. Я писем-то писать не терпела. Договорилась с одной эмигранткой, но когда она сделала первые страницы, где каждая фраза, сказанная как-то не так, не по-моему, меня безумно раздражала, мы обе поняли, что у нас ничего из совместной работы не получится. Но что же делать с уже наговоренным материалом? Я сидела перед пустым белым листом бумаги и думала, с чего начинать. Ручка словно обжигала. Прошло несколько дней, прежде чем вывела первые строчки. О самом начале: «Яркий солнечный день... Я

бегу по зеленому изумрудному лугу — мне неполных четыре года — и с размаху вслед за мальчишками прыгаю с крутого берега в речку... В памяти навсегда остался мутно-зеленый цвет воды, я стою на дне...». И пошло, пошло... Слава о моих литературных опытах еще не знал, и первой читательницей стала Тая, моя подруга, жена писателя Владимира Максимова. Прочитав от руки написанные страницы, она сказала: «Только не останавливайся, пиши!»... «А потом?» — «Потом возьмешь машинистку, пройдешься по перепечатанному тексту и многое увидишь по-другому». Не сдержав слова, Тая показала написанное мужу. Я сгорала от стыда. И вдруг Владимир Емельянович, прославленный писатель, редактор журнала «Континент», наверное, прочитавший горы рукописей, мне звонит: «Начал читать и не мог оторваться...». Эти слова стали мне подарком и поддержкой. Так родилась книга.

Книга Г. Вишневской «Галина. История жизни» впервые вышла в США в 1984 году. Потом в Англии и Франции. Сейчас книга переведена на 15 языков. Она получила несколько литературных премий, стала бестселлером.

— Книгу я писала не для советского читателя. Мне и в голову не приходило, что при моей жизни она может быть опубликована в России. И если «Галину» будут издавать у вас, то переделывать ее я не собираюсь, пусть все останется, как было. Я не хочу подделывать ее под советского читателя. Когда я писала книгу, я держала себя в вожжах. Вы думаете, я обо всем написала? Нет, далеко не обо всем. Если бы я написала обо всем, мне бы уже никто не поверил. «Этого не может быть, это вранье».

— Вы знаете, меня потрясли страницы, где описаны ваше детство, юность, работа в Большом театре. Сколько раз вы были на краю смерти! На ваших глазах от рака умерла мать...

— Бабушка сгорела на глазах — помните? Сидела у печки, и платье вспыхнуло... Пережила блокаду. У художника Ильи Глазунова в блокадном цикле есть картина, где изображен пустой стол и глаза ребенка, страшные, голодные. Не могу ее забыть, потому что все пережила сама.

— А как драматичен эпизод, когда вы убежали с операционного стола из-под скальпеля хирурга!

— Да, словно открылось: делают операцию на легких — мне больше не петь. А не петь для меня значило не жить.

Расспрашивая Галину Вишневскую, я как бы еще раз перечитывал страницы ее книги и, конечно, не мог не спросить ее о Большом театре, где она проработала 22 года.

— Большой театр, по-моему, переживает сейчас трагическое время, и больно наблюдать за этим. Театру нужны большие личности, которые поведут за собой коллектив, молодых. Я пришла в Большой в 52-м году, там пели Козловский, Лемешев, Макасова, Давыдова, Шпиллер, Хамаев, Пирогов, Рейзен, Михайлов... Боже мой, какие имена! И мы взяли у них прежде всего честное отношение к искусству... Нынче театр обезглавлен. Убрали режиссера — Бориса Покровского, просто выжили его. Кто? Да середняк воинствующий. Выжить такого режиссера, уникальную личность, единственную сегодня в мировом оперном искусстве?! Рождественский не работает, Светланов? Не могут наладить с ним отношений. Я пишу о Светланове в книге, ведь мы начинали вместе. Большой мастер, с богатейшим жизненным

опытом. А Ростропович! Вот такие люди могут спасти искусство, без них ничего не получится, на пустом месте плоды не растут.

— Лучшая пора вашей жизни, Галина Павловна? Я не ошибусь, если...

— ...не ошибетесь. Большой театр, как для оперной певицы.

— Вы многого достигли, вы были признаны лучшей певицей мира, а могли бы вы достичь большего?

— Безусловно! Я многого не сделала, даже в Большом театре. Репертуар из года в год — один и тот же. Невозможно было пробить новую оперу. А я мечтала спеть «Медю» Керубини, оперы Верди... Многого.

— А здесь, на Западе, вы не осуществили свои мечты?

— А что здесь? Я ведь сюда приехала, проработав на сцене 30 лет. Включаться в новую упряжку с такой отдачей, как требуют здесь, очень трудно. Спела на Эдинбургском фестивале в «Макбете» Верди новую для меня роль. С удовольствием работала. Но вдруг поняла, почувствовала, что работать такую партию в десяти спектаклях в месяц я уже не имею права. Я, собственно, и не привыкла так много работать. В Большом театре такую партию я пела бы раз в месяц, раз в месяц в «Евгении Онегине», и еще спела бы в «Тоске». Это нормально. Но десять спектаклей «Макбета»? Я поняла, что такая нагрузка очень опасна... Сделала полную запись «Катерины Измайловой» — в первой редакции Шостаковича. Записала пластинку-альбом, 45 романсов. За «Войну и мир» получила Гран-при, чем очень горжусь, потому что записала эту вещь спустя 30 лет после первой пластинки. Тогда, в 58-м, меня удостоили Гран-при. И вот снова. Я была счастлива. Сейчас пою меньше, пора себя и пощадить.

— Галина Павловна, мне пришлось слышать такое суждение: Вишневская во всем давит на Ростроповича и все, дескать, зависит от нее. Это правда, что вы настояли на отъезде?

— Да, это я настояла на отъезде, он бы никогда не уехал, его бы сгноили...

— У Мстислава Леопольдовича другой характер...

— Другой, другой... Вот и сейчас он решает в феврале поехать в СССР, выступать с оркестром. Я же — не поеду.

— Галина Павловна, отсюда, из Парижа, прожив на Западе много лет, что бы вы сказали сейчас о русской женщине?

(Моя собеседница саркастически рассмеялась.)

— Ни одна женщина мира не согласилась бы так жить, как живут наши, русские! Бесконечное терпение и выносливость, тащить на себе все и при этом, если надо, все забывать, все прощать. Я смотрю советское телевидение, боже мой, какие они измученные, издерганные! Как же можно довести женщину до такого! Мужчины, черт возьми, вы за многое ответственны в этой проблеме. Тяжелая работа, семья, чудовищные очереди. Как женщин хватает на все?! Диву даешься — почему они еще живы!

— А что такое женщина здесь, на Западе?

— Здесь? Вы знаете, как они качают свои права, как их боятся мужчины? Посмотрите на улицах — дело не в тряпках, не в том, как одета женщина, — другие глаза, походка другая, уверенность. Особенно в Америке, там женщина — огромная сила. — Любопытно, каковы были

ваши первые zahraniчные впечатления?

— Они связаны с гастролями в Праге. У меня там начался роман с Ростроповичем, и я вообще ничего не видела — через четыре дня мы поженились. В 58-м побывала в Англии, в 60-м — в Америке... Но, знаете, какая вещь, Запад на меня не произвел сумасшедшего впечатления. Может быть, потому, что я, артистка, осознавала ответственность встречи с публикой и мне было ни до чего. Я не собиралась уезжать из Советского Союза. Театр был для меня всем. Он давал мне жизнь.

— «Женский голос, как ветер несетесь...» — замечательные строки посвятила вам Анна Ахматова.

— Но я с ней не была знакома. Стихотворение это она написала под впечатлением моего исполнения по радио «Бразильской баховианы» 19 декабря 1961 года. О посвящении я узнала после смерти Анны Андреевны.

— Видитесь ли вы с Солженицыным?

— Встречаюсь нечасто, хотя по телефону говорю регулярно. Он живет в Вермонте, в стороне от наших дорог. Последний раз я видела его, когда закончила книгу. Перед сдачей в издательство попросила его прочесть. Ужасно при этом волновалась. Ждала приговора, оценки, совета — не знаю чего. И вот приходит от него письмо: книга понравилась. Самое ценное в ней, писал Александр Исаевич, «искренность и интонация голоса». «Я читаю вашу книгу и слышу ваш голос». Для меня оценка Солженицына очень дорога.

— А как в свое время, когда вы были в ореоле славы, а Солженицын в опале и гонении, возникла мысль приютить его у себя на даче?

— Муж мне сказал: «Александр Исаевичу надо помочь». Вот мы и помогли. Потом острейшие шутили, что у нас на даче сторож живет, Нобелевский лауреат. Жил он у нас четыре с половиной года. Там и двое детей его родились.

— Галина Павловна, а ваш знаменитый муж не пишет книгу?

— Нет, ему некогда. И я считаю преступлением, что он не пишет. В России Рихтер, а здесь Ростропович из тех, кто знал, к примеру, Прокофьева. С Сергеем Сергеевичем он дружил еще с юности. О Шостаковиче обязан написать. Ведь до сих пор о нем книги нет.

— А книга Соломона Волкова?

— Волков? Это книга мелко-го пошиба, до неприличия искажающая облик великого, величайшего композитора XX века. Как же не стыдно было Волкову издавать собрание анекдотов, вложенное в уста великого человека? Анекдоты, о которых знала вся Москва. Это нечестно. Деньги все-таки пахнут.

— Даете ли вы благотворительные концерты?

— Я — нет, а Слава довольно часто. В пользу больных, в пользу детей, стариков, в защиту животных. По всему миру в год он дает порядка двадцати бесплатных концертов.

— Вы знакомы со здешними

звездами? С Бриджит Бардо, например, с Мариной Влади?

— Бардо? Я ее не знаю, а Марина как раз вчера была у нас дома.

— А политические деятели входят в круг ваших знакомых?

— Конечно, мы много раз бывали в Белом доме, общались с Рейганом, Картером, а с Бушем знакомы с той поры, когда он был еще вице-президентом.

— В Париже вы живете постоянно?

— Нет, мы не живем на одном месте, в Париже это любимая моя квартира. Есть у нас квартиры в Нью-Йорке, в Вашингтоне, в Лозанне, в Англии.

— Какое у вас сегодня гражданство?

— Никакого. Мы — люди мира.

— Вы довольны своими детьми?

— Да, у нас два внука, Иван и Сергей, шести и трех лет. Это дети моей младшей дочери. А старшая — сейчас не замужем, живет в Нью-Йорке, она виолончелистка, преподает в высшей музыкальной школе.

— Какое качество в человеке вы цените больше всего?

— Честность. Моя бабушка учила меня двум заповедям: не врать и не воровать.

— Каково расписание вашей жизни на ближайшее время?

— Мы приглашены в Швецию на церемонию вручения Нобелевских премий. Оттуда в Голландию, потом будем в Лондоне. С 8 января в Вашингтоне, там у Славы оркестр. В феврале летим в Японию, у Ростроповича турне. Из Токио он поедет в Москву, а я в Париж.

— Как жаль, что не в Москву...

— Нет, не могу ехать, это выше моих сил.

— Вы так непримиримы?

— Но ведь я оскорблена до глубины души! Я считаю, что Ростропович тоже не должен ехать, это оскорбительно для такого артиста ехать вот так. Как будто ничего и не произошло. Почему не возвращают гражданства? Ведь перестройке уже пять лет, разве трудно издать новый указ? Родину нам дает Бог, отнять ее или подарить — невозможно. Мне стыдно, что русские люди так со мной поступили!

— Вы говорите сейчас мне эти горькие и, я считаю, справедливые слова, а я подумал о том, что вашей книгой «Галина» вы как бы уже выговорились, освободились от чего-то. И вам стало легче. Не так ли?

— Абсолютно верно. У меня возникла потребность рассказать о наболевшем, о своей судьбе. Я должна была это сделать. И это помогло мне жить дальше.

P.S. С Галиной Вишневской я разговаривал в начале декабря прошлого года. «Вы первый из советских журналистов, кому я даю интервью», — сказала она тогда. За два месяца многое изменилось. Двум выдающимся музыкантам нашего времени вернули советское гражданство. Справедливость, как говорится, восторжествовала. И теперь Галина Вишневская и Мстислав Ростропович приезжают послезавтра на родину. На родину, которую дает нам Бог. На родину, которую никто не может отнять.